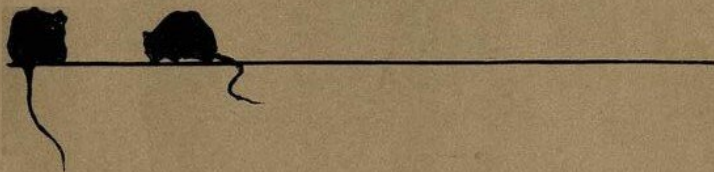

С. Д. ДРОЖЖИНЪ.

СКАЗКИ.

ЛЕГЕНДЫ И БЫЛИ.

Дорогіє друзья!

Представляемъ вамъ книгу со стихами Спиридона Дмитриевича Дрожжина. Изъ нихъ мы узнаемъ о одной старушкѣ, рассказывающей внукамъ о своей тяжелой жизни; о полевыхъ мышахъ, которыя прокрались въ человѣческое жильѣ, гдѣ были съѣдены котомъ; о молодомъ человѣкѣ, служившемъ у князя Ярослава, отпущеннымъ княземъ и надумавшемъ жениться, но ушедшемъ въ монастырь, по причинѣ того, что князь увель отъ него невѣсту.

Наряду съ этими произведеніями мы узнаемъ о тяжеломъ крестьянскомъ трудѣ и молитвѣ дѣтей за своего отца, уберегшей его отъ разбойниковъ....

Въ нашемъ изданіи приводится текстъ произведенія въ соотвѣтствіи съ изданіемъ отъ 1914 года¹.

Пріятнаго вамъ прочтенія, друзья!

¹ Дрожжинъ, С. Д. Сказки, легенды и были / С. Дрожжинъ; Рис. худож. В. Комарова. – Москва: И.Д. Сытинъ, 1914. – 74, [2] с.: ил.; 22.

С.Д. Дрожжинъ.

**СКАЗКИ,
ЛЕГЕНДЫ И БЫЛИ.**

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., с. д.
Москва. — 1914.

С. Прохорович.

Сказки,

легенды

и были.

МОСКОВСКИЙ ПУБЛИЧНЫЙ
ХИЩ-38933
И РУССКО-ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

Рисунки худ. В. Комарова.

Издание 1^е
П. Д. СЫТИНА.

СКАЗКА-БЫЛЬ.

Это было лѣтомъ...
Солнышко сіяло
И горячимъ свѣтомъ
Землю обдавало.

Изъ крыльца избушки
Вышла, чтобъ на солнцѣ
Посидѣть, старушка
Къ своему оконцу.

Дѣти обступили
Всѣ родную съ лаской
И, рѣзвясь, просили
Ихъ потѣшить сказкой.

Бабушка съдую
Голову склонила
И, вздохнувъ, такую
Сказку говорила:

«Охъ, съ тѣхъ поръ не мало
Утекло воды-то,
Что я прежде знала,
Многое забыто.

А теперь покуда
Разкажу вамъ, дѣти,
Хорошо иль худо
Мнѣ жилось на свѣтѣ.

И когда простую
Сказочку поймете,
Можетъ-быть, святую
Правду въ ней найдете...

Вспомнила тебя я,
Милая сторонка!..
Вотъ моя родная
Старая избенка!

Красная рябина
Подъ окошкомъ рдѣеть,
И склонясь у тына
Верба зеленѣеть,

А съ небесъ глядится
Солнце огневое...
Дальше шевелится
Поле, какъ живое,

На меня, малютки,
Цвѣтики простые,
Смотрятъ незабудки
Глазки голубые;

Ландышъ серебристый
Съ травкой повиликой
Сплелся и съ душистой
Обнялся гвоздикой...

Слушайте же крошки,
Не перебивая!..
Вотъ глядитъ въ окошко
Матушка родная;

Вотъ отецъ съ сохою
Со двора съѣзжаетъ,
Улицей большою
Весело шагаетъ;

Вотъ за нимъ я слѣдомъ
Къ лѣсу убѣгаю,
На лугу съ сосѣдомъ
Прыгаю, играю;

Съ пѣснями надъ нами
Жаворонокъ вьется...
Вотъ и лѣсъ! Листами
Чуть гдѣ шелохнется;

Вѣтка ли гнилая
Треснетъ подъ ногою,
Пташка ли лѣсная
Пролетитъ порою...

Жутко въ немъ, ребятки,
И бѣжишь стрѣлою
Къ дому безъ оглядки.

Такъ мнѣ миновало
Десять лѣтъ, и вскорѣ
Первое узнала
Я людское горе:

Помню, какъ забрили
Батюшку въ солдаты,
И его лишили
Жизни супостаты;

А затѣмъ въ злой долѣ
Умерла родная,
И былинкой въ полѣ
Выросла одна я.

Горько сиротою,
Дѣтки, мнѣ жилося,
Слезъ-то, слезъ порою
Сколько пролилося!

Ихъ не осушали
Никакія ласки»...

Дѣточки внимали
Бабушкиной сказкѣ,
Словно сиротинки
На нее глядѣли.
И у всѣхъ слезинки
Чистыя блестѣли.

ДЕРЕВЕНСКІЯ МЫШИ.

(Сказка).

Въ деревнѣ одной безъ печали
(Какъ мы отъ няни узнали)
Подъ ветхой соломенной крышей
Мирно съ семьей проживали
Двѣ добрыя старыя мыши.

Какъ онѣ счастливы были!
Въ бури и злыя метели
Въ гнѣзда свои укрывались,
Лѣтомъ по волѣ бродили
И никого не боялись.

Дни проходили за днями,
Лѣсъ одѣвался листьями,
Поле съ зеленой травой
Все украшалось цвѣтами,
Ярко блистало росюю.

Солнышко землю пригрѣло,
Весело птичка запѣла,

Въ воздухѣ синемъ летая.
Вызрѣла, впору поспѣла
Рожь на поляхъ золотая.

Жаркою лѣтней порою
Жницы проснулись съ зарею,
Вышли съ стальными серпами
И, наклонясь надъ межою,
Склали родную снопами.

Мыши, гуляя по полю,
Здѣсь про счастливую долю
Пѣсни свои распѣвали
И, нагулявшись вволю,
Въ гнѣзда колосья собирали,

Чтобы запасецъ свободный
Былъ имъ зимою холодной,
Чтобы ни въ чемъ ни нуждаться,
Жить и кошчонкѣ негодной
Въ когти подчасъ не попасться...

Солнце ужъ за лѣсъ садилось.
Вдругъ между ними явилась
Бѣлая мышь изъ столицы.
Въ поясъ имъ всѣмъ поклонилась:
Богъ, молъ, на помощь, сестрицы!

Гостьѣ неожиданной немало
Всѣ удивились сначала,
Въ страхѣ попрятались въ норы,
Тутъ она ихъ обласкала
И завела разговоры;

Все-то про жизнь городскую,

Будто бы сказку какую
Чудную, имъ говорила,
Такъ что въ столицу большую
Живо простушекъ сманила...

Около самой заставы
Странники цѣлой оравой
Только немного вздохнули
И въ подворотню, направо,
Къ барскому дому махнули.

Въ домѣ — зажженные свѣчи,
Слышались шумныя рѣчи,
Люди кружилися въ залѣ,
Мыши здѣсь радостной встрѣчи
Также себѣ ожидали.

И, наконецъ, дождалися!..
Люди въ полночь разбрелися,
Веселы, пьяны и сыты...
Мыши въ столовой сошлися
(Норки имъ были открыты),

Тутъ-то пошло ликованье,
Тутъ-то пошло пированье!
Только лишь пискъ раздавался...
Вдругъ къ нимъ высокаго званья
Котъ изъ-за печки подкрался;

Фыркнулъ и, вскинувъ глазами,
Сорвалъ онъ злобно когтями
Съ нихъ деревенскія шубы...
Вотъ какъ въ столицѣ съ гостями
Васька расправился грубо!

ОТРОКЪ.

(Легенда).

I.

Припомнимъ, братцы, старину.
Легенду я слышалъ одну,
Ее рассказывалъ мнѣ дѣдъ,
Давно котораго ужъ нѣтъ,
Навѣкъ уснулъ въ селѣ родномъ
Онъ на погостѣ крѣпкимъ сномъ;
И я рѣшился записать
Его слова, чтобъ передать

Въ немногомъ рядѣ звучныхъ строфъ
Родную былъ минувшихъ дней
Великой родины моей.

II.

У славныхъ волжскихъ береговъ
На возвышеньѣ и теперъ
Стоитъ нашъ древній городъ Тверь,
Который много пережилъ
Тяжелыхъ смуть, когда княжилъ
Надъ нимъ защитникъ русскихъ правъ,
Внукъ Александра — Ярославъ.
Тогда татары, во главѣ
Узбека, Твери и Москвѣ
Грозили часто и войной
Опустошали край родной;
Въ бою кровавомъ страшень былъ
И дикъ злодѣй, — онъ не щадилъ
Съ своей ордою ни дѣтей,
Ни стариковъ, ни матерей,
И, гордый силою своей,
У непокорныхъ сожигалъ
Дома, деревни, города,
На Волгѣ, снастилъ, и гонялъ
Съ товаромъ къ Каспію суда,
И дань князья ему несли
Со всѣхъ концовъ родной земли.

III.

Была весна, катились съ горъ
Ручьи, и сырѣ-дремучій боръ
Гудѣлъ въ сіяньѣ чудномъ дня,
Всѣ птички, въ воздухѣ звеня

И совершая свой полетъ,
Казалось, тѣшили народъ
И говорили: «Мы вольны,
Съ приходомъ радостнымъ весны
Слетѣлись къ вамъ изъ-за морей,
Чтобъ вольной пѣснею своей
Васъ пробудить на вольный трудъ
И жизнь свободную... Пройдутъ
Года неволи вѣковой,
Татаринъ съ бритой головой
Не будетъ больше набѣгать
На землю русскую, и рать
Его разсѣтся, какъ дымъ,
И лишь порой родная мать
Надъ сыномъ, первенцомъ своимъ,
Тоскливо будетъ напѣвать.

Ой, баю-баю,
Дитя малое,
Дитя малое,
Неразумное.
Не гроза на Русь
Надвигалася,
То орда татаръ
Ополчалася;
Ополчалася
И сражалася...
Во честномъ бою
За родимый край
Палъ твой дѣдушка
И отецъ родной;
Крѣпко спятъ они
Во землѣ сырой,
Спятъ, татаринѣмъ
Злымъ убитые,
Бѣлымъ саванѣмъ

Неукрытые.
Безъ креста въ степи
Ихъ могилушки
И безъ камушка
Затерялися.
Безъ родныхъ одни
Сиротинушки
Въ домъ батюшки
Мы остались...
Ой, баю-баю,
Дитя малое,
Дитя малое,
Неразумное.

IV.

Въ вѣнцѣ у князя Ярослава
Уже блеститъ родная слава
Сіянемъ утренней зари;
Она далеко изъ Твери
По всей Руси гремитъ и льется
Звонъ колокольный раздается.
Святые въ храмахъ алтари
Благоухаютъ средь молитвы,
Ликуеть доблестный народъ,
Усталый воинъ послѣ битвы
Свое оружіе кладетъ
И возвращается счастливый
Опять въ родимое село.

V.

Высоко солнышко взошло,
И Волги берегъ молчаливый
Подъ зноемъ пламенныхъ лучей

Вдругъ громкимъ крикомъ огласился:
То князь съ дружиною своей
Во градъ престольный возвратился
Съ побѣды новой надъ врагомъ,
И на дворцѣ съ его гербомъ,
Волнуясь, флагъ подъятый взвился.

VI.

Въ дворцѣ веселье, шумъ и крики, —
У Ярослава пиръ великій:
Гостямъ на блюдѣ золотомъ
Подносятъ съ пѣнистымъ виномъ
До края налитыя чары.
— Позвать ко мнѣ скорѣй гусляра!
Пускай на нашемъ пирѣ славномъ
Про грусть княгини Ярославны
Онъ громко пѣсню намъ споетъ! —
Воскликнулъ князь. Гусляръ идетъ,
Настроивъ гусли, запѣваетъ,
И князь задумчиво внимаетъ
Унылой пѣснѣ чару пьетъ
За войско, что караетъ
Своихъ безчисленныхъ враговъ
И съ каждымъ годомъ изъ оковъ
Родной народъ освобождаетъ.
Предъ княземъ всѣ на пирѣ равны
Гусляръ захожій воинъ славный,
Простой крестьянинъ и мудрецъ,
Послѣдній нищій и калѣка, —
Во всѣхъ онъ видѣлъ человѣка,
Созданья Божьяго вѣнецъ.
Всю ночь за княжескимъ столомъ
Такъ пиръ веселый продолжался,
Покуда въ небѣ голубомъ

Денницы лучъ не показался.

VII.

И былъ у князя Ярослава
Тогда его рукою правой
И управителемъ дворца
Любимый отрокъ, одѣвался
Богато онъ и отличался
Небесной прелестью лица.
Сидѣлъ разъ отрокъ у оконца,
И входитъ въ двери князь, какъ солнце,
Свой взоръ на отрока бросаетъ.
Садится съ нимъ и вдругъ рѣшаетъ
Его на волю отпустить;
Чтобъ отрокъ могъ безбѣдно жить,
Казной по-царски награждаетъ,
А съ ней на Волгѣ свою дачу
Онъ отдаетъ ему въ придачу.

VIII.

Въ селѣ, гдѣ отрокъ поселился,
Ручей по камешкамъ струился,
Впадая въ Волгу. Подъ горой
Стояла бѣдная избушка,
И въ ней жила вдова, старушка,
Съ своею дочкою родной;
Въ глуши, какъ ландышъ полевой,
Она росла и расцвѣтала
И добрыхъ молодцевъ плѣняла
Своею дивной красотой.

IX.

Кругомъ волнуется трава,
И солнце весело сіяетъ,
Въ окно открытое вдова
Глядитъ задумчиво, зѣваетъ
И креститъ свой беззубый ротъ,
А дочь за двери выбѣгаетъ
Скорѣй въ зеленый огородъ,
Тамъ, гдѣ подсолнечникъ растетъ
И макъ пунцовый расцвѣтаетъ,
Идетъ глубокою межей.
Подъ вербой отрокъ молодой
Нетерпѣливо дожидаетъ
Ее съ любовью и тоской.
Головка въ зелени мелькаетъ
И улыбаются уста,
Онъ робко къ ней изъ-за куста
Навстрѣчу руки простираетъ
И, бросивъ полный счастья взоръ,
Заводитъ съ нею разговоръ...

X.

Насталъ давно желанный мигъ,
Идетъ съ невѣстою женихъ,
Рука съ рукой, большимъ селомъ.
Ни тучки въ небѣ голубомъ,
А солнце вешними лучами
Съ полдневнымъ жаромъ обдаетъ
Веселый, праздничный народъ,
Вотъ Божій храмъ горитъ огнями,
И лики строгіе святыхъ
Сквозь ѳиміамъ на молодыхъ
Глядятъ спокойными очами.

Они же сердцемъ и устами
Твердятъ молитву, чтобы Богъ
Ихъ жизнь устроилъ безъ тревогъ.

XI.

Въ ту пору князь съ своей дружиной
Съ охоты ѣдетъ соколиной

И видитъ, надъ горой
Крестами Божій храмъ блистаетъ
И у села народъ гуляетъ

Нарядною толпой.
Рѣзвятся маленькія дѣти,
Рыбакъ бросаетъ въ Волгу сѣти,
Плывя на челнокѣ.

И вмѣсто добраго привѣта
Вдали пастухъ играетъ гдѣ-то
Уныло на рожкѣ.

Спусти на волю соколовъ,
Уже къ селу онъ приближался,
Вдругъ соколъ княжескій поднялся
Почти до самыхъ облаковъ,
И въ нихъ, казалось, затерялся.

Завѣту вѣруя Христа,
Князь Ярославъ перекрестился
На Божій храмъ и удивился,
Что онъ, летая вокругъ креста,
Святого храма зацѣпился
Своею цѣпью золотой,
И какъ ни рвался и ни бился,
Не могъ порвать онъ цѣпи той,
И у обители святой
Съ дружиной князь остановился.

ХІІ.

Открыты настѣжь двери храма,
И дымъ кадильный ѳиміама
Пахнулъ на князя; попъ съ крестомъ
Его на паперти встрѣчаетъ,
Народъ дорогу уступаетъ;
Князь предъ священнымъ алтаремъ
Смиренно голову склоняетъ
И рядомъ съ брачною четой
Встаетъ на княжеское мѣсто;
Но, пораженный красотой
Любимой отрокомъ невѣсты,
Глядитъ съ смущенною душой
И зора отвести не можетъ,
И зависть злая князя гложетъ...

ХІІІ.

Раздалось сладостное пѣнье,
Священникъ въ бѣломъ облаченьѣ,
Благословляя молодыхъ,
Взялъ два колечка золотыхъ,
Чтобы начать ихъ обрученье.
Но въ то же самое мгновенье
Князь Ярославъ, сверкнувъ очами
Къ налою быстро подошелъ,
За плечи отрока руками
Въ толпу безвольную отвелъ
И, вставъ на избранное мѣсто
Съ его прелестною невѣстой
Велѣлъ свершать обрядъ святой
Изь храма отрокъ молодой
Смущенный тихо удалился,
Сопровождаемый толпой

Своихъ друзей; народъ молился
За Ярослава, бракъ свершился.
И князь счастливымъ и довольнымъ
Съ своей княгиней изъ села
Съѣзжалъ, лаская сокола,
И скоро звономъ колокольнымъ
Быль встрѣченъ въ городѣ престольномъ.

XIV.

Проходитъ годъ, а можетъ болѣ,
Трава цвѣтетъ и вянетъ въ полѣ,
Желтѣютъ листья, и морозъ
Сгубилъ немало пышныхъ розъ.
Одна княгиня, какъ и прежде.
Подъ діадемой золотой
И въ пышной княжеской одеждѣ
Блистала дивной красотой
И рѣдко, рѣдко вспоминала
Былые годы и не знала
Она тяжелой жизни, мукъ,
Такъ на струнахъ порою звукъ
Старинной пѣсни замираетъ
Пѣвецъ ее не повторяетъ,
Поклонъ народу отдаетъ
И громче новую поетъ.

XV.

Одинъ объ отрокѣ тоскуетъ
Князь Ярославъ, его волнуетъ
Всѣ дни поступокъ беззаконный
И возстаетъ въ умѣ предъ нимъ
Порою юноша смущенный...
И долго, долго недвижимъ

Стоитъ онъ въ даль бросаю взоръ,
Потомъ идетъ на княжій дворъ,
Слуга коня ему сѣдлаетъ,
И онъ, усѣвшись на коня,
Уздой серебряной звеня,
Съ двора широкаго сѣзжаетъ.

XVI.

Кругомъ дремучіе лѣса,
Березы, сосны-исполины
И дубы гордо въ небеса
Вздымаютъ мощныя вершины,
За ними стелются волной
Поля, засѣянная рожью,
Тамъ пущенъ конь на волю Божью,
А тамъ соха, и за сохой
Усталый пахарь отдыхаетъ,
Прикрытый рванымъ зипуномъ...
Князь Ярославъ въ село вступаетъ,
Стучится въ отроческій домъ,
Въ отвѣтъ ни звука, — тихо въ немъ,
Никто воротъ не отворяетъ.
И, сдѣлавъ быстрый поворотъ,
Онъ отправляется впередъ
И видитъ — около избышки
Сѣдой старикъ и двѣ старушки
Съ дѣтьми гуторятъ межъ собой
О долгой жизни трудовой,
О прошлогоднемъ урожаѣ,
О мукахъ грѣшниковъ, о раѣ,
О многомъ прочемъ и о томъ,
Чего не выразишь перомъ.
Князь прямо къ дѣду обратился:
«Скажи, старикъ, куда укрылся

И гдѣ нашъ отрокъ молодой?
Въ отвѣтъ на это дѣдъ съдой
Съ своей заваленки поднялся
И важно князю отвѣчалъ:
«Да какъ сказать тебѣ, пропаль
Съ тѣхъ поръ какъ только повѣнчался
Съ его невѣстою нашъ князь,
Вишь, по душѣ ему пришлась,
Дѣвица красная, онъ съ нею
Водился долго, звать своею,
Привыкъ къ красавицѣ, и вотъ
Хотѣлъ вѣнчаться прошлый годъ,
Да, видно, не его судьба
Иль не его надъ нею право,
И стала прежняя раба
Женою князя Ярославъ.
Не могъ онъ надо полагать,
Тогда съ собою совладать,
И, покорившись Провидѣнью,
Убогимъ роздалъ все имѣнье,
А самъ изъ міра удалился
Въ лѣсную глушь».

Остановился

Немного дѣдъ, вдругъ перевелъ
Съ трудомъ дыханіе и снова
Разказъ объ отрокѣ повелъ:
«Да, вмѣсто тлѣннаго земного
Онъ вздумалъ вѣчное найти,
Надѣлъ тяжелыя вериги,
Читаетъ божескія книги,
Къ Его же царствію пути
Въ своей убогой кельѣ ищетъ,
Вдали отъ жизни и людей,
Живетъ, гдѣ звѣрь голодный рыщетъ,
Гдѣ не видать дневныхъ лучей

И ни по чемъ земная слава,
Но вѣра въ Бога горячѣй».
Не узнавая Ярослава,
Такъ говорилъ старикъ сѣдой;
Потомъ, взглянувъ на князя строго,
Онъ указаль ему дорогу
На лѣсъ, гдѣ отрокъ молодой
Въ убогой келліи спасался,
И княжій конь впередъ помчался,
Поднявъ слѣдъ пыли за собой.

XVII.

Князь быстро къ лѣсу подъѣзжаетъ,
И лѣсъ привѣтливо киваетъ
Ему кудрявой головой,
И звуки музыки живой
Въ зеленой чащѣ разливаетъ.
Но вотъ и келья передъ нимъ
Между громадными соснами,
Гдѣ отрокъ съ длинными кудрями
Стоялъ какъ чистый серафимъ.
Коня оставивъ за оврагомъ,
Князь Ярославъ неровнымъ шагомъ
Подходитъ къ отроку, но вдругъ
Онъ исчезаетъ, словно духъ,
Въ свою глубокую пещеру,
Хотѣлъ и князь
Его послѣдовать примѣру.
Служитель Божій
Сказаль ему: «Уйди, прохожій,
И мнѣ молиться не мѣшай!»
— Ахъ, отрокъ, отрокъ, не лишай
Меня отрады, два-три слова
Сказать тебѣ: что хочешь ты

За то, что я разбилъ сурово
Твою любовь, твои мечты,
Проси, чего не пожелаешь,
Я все отдать тебѣ готовъ!
«Къ чему ты, князь, меня смущаешь,
Уйди, не трать напрасно словъ,
Я отдалъ всю мою любовь
Тому, Кто муками прославилъ
И всепрощеньемъ грѣшный міръ,
Царями, царствами Кто правилъ,
Кто жилъ въ пустынь нагъ и сирь
И на крестѣ своемъ страдая,
Открылъ народу двери рая.
— Но, чтобъ поступокъ грѣшный мой
Хоть чѣмъ-нибудь передъ тобой
И передъ Господомъ исправить,

Во имя вѣры и святыхъ
Здѣсь для отшельниковъ младыхъ
Я монастырь велю поставить,
Чтобъ ты достойно могъ имъ править
И въ немъ окончить свои дни.
Прости меня и не кляни!

XVIII.

Ужъ по вершинамъ запылалъ
Огонь вечерняго заката,
Князь Ярославъ поцѣловалъ
Три раза отрока, какъ брата,
Сѣлъ на коня и удалился.
А отрокъ пламенно молился
За Русь святую и за мѣръ
Въ убогой кельѣ, нагъ и сиръ,
Какъ Тотъ, Котораго завѣтъ
Онъ принялъ съ юношескихъ лѣтъ.
И князь, исполнивъ обѣщанье,
На этомъ мѣстѣ монастырь
Построилъ. «Отроча», названье
За нимъ осталось и теперь.

ПЧЕЛЫ.

(Легенда).

Клиномъ бородка, лицо съ кулачокъ,
Встрѣтился мнѣ на пути старичокъ,
Рваная шапка и лапти на немъ,
Сѣрый кафтанъ опоясанъ ремнемъ.

— Этакій жаръ нестерпимый какой! —
Молвилъ старикъ, поровнявшись со мной. —

Землю-то матушку, такъ и печеть,
Дождичка, видно, Господь намъ пошлетъ?

Вишь ты, какая стоитъ благодать —
Просто не надо совсѣмъ умирать!

Смотришь, и рожь скоро въ колось поидеть,
Хлѣбушка ждетъ не дождется народъ.

Тяжкія нынѣ пришли времена:
Не успѣваютъ взойти сѣмена —

Хлѣбъ ужъ въ исходѣ, и надо купить,
Бѣднымъ по-волчьи приходится выть.

Горе, известно, идетъ по людямъ!
Только авось Господь милостивъ къ намъ.

Вырастутъ въ полѣ и травка, и рожь...
Горе другое: скотинки падежъ

Въ округѣ нашемъ, — старикъ продолжалъ
И по дорогѣ скорѣй зашагалъ. —

Не опоздать бы, однако, прости!
Мнѣ въ Безбородово нужно снести

Меду пчелинцу — давно обѣщаль,
Въ ульяхъ его весь запасъ истощаль;

Пчелки зимою не могутъ такъ жить,
Съ радостью имъ я готовъ послужить.

Собственный будетъ медокъ-то у насъ,
Съ прошлаго лѣта остался запасъ.

А по закону-то, такъ полагать,
Надо другъ другу всегда помогать.

Вотъ какъ родныя поля зацвѣтутъ,
Божіи пчелки тогда оживутъ.

Будутъ собирать, да и мнѣ старику
За попеченье оставятъ медку.

Тоже за ними немало хлопотъ,
Пчелы-то любятъ уходъ да уходъ;

Кромѣ того, чтобы ими владѣть,
Душу незлобную надо имѣть;

Также пчелинецъ чтобъ въ церковь ходилъ,
Съ ближнимъ не вздорилъ, родителей чтилъ.

Если предъ Богомъ не чистъ онъ душой,
Не завестися вовѣки пчелой.

Выбравъ до капельки собранный сотъ,
Вся она къ добрымъ пчелинцамъ уйдетъ

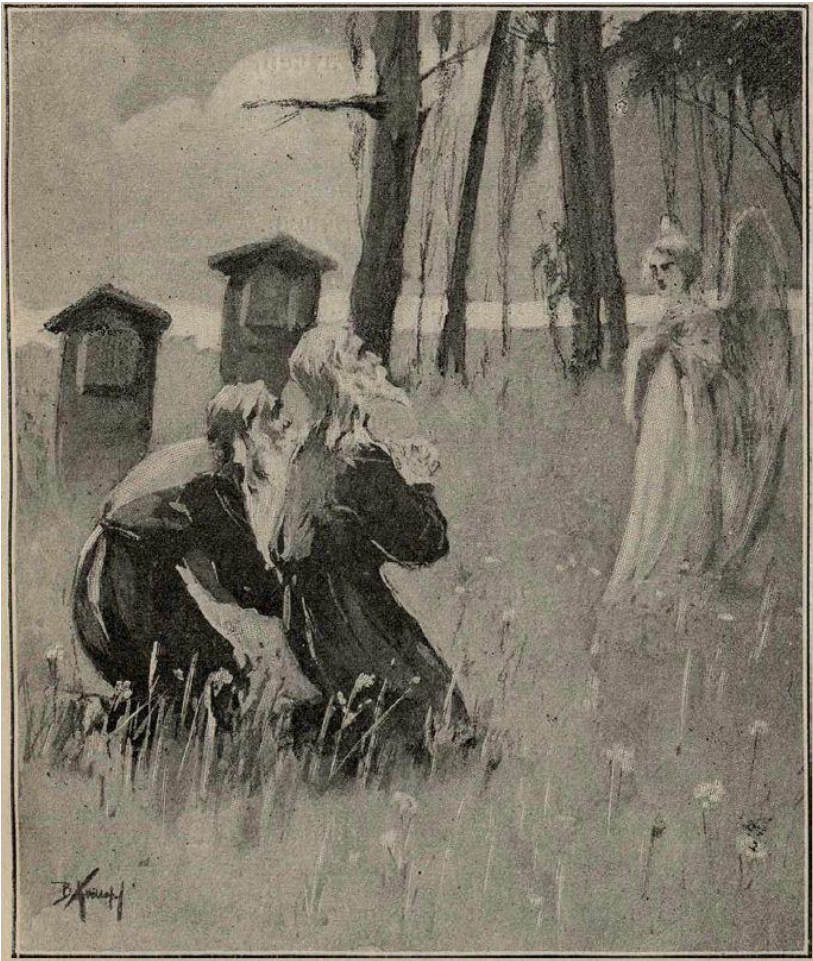
И не заглянетъ къ нему никогда...
Въ Русь занесли ихъ въ былые года

Отцы Изосимъ и Савватій, про нихъ
Знаю одинъ я божественный стихъ;

Въ келліяхъ тѣсныхъ спасались они
Между невѣрныхъ далекой земли —

И изнуряли веригами плоть...
Разъ на молитвѣ послалъ имъ Господь

Ангела съ неба, который предсталъ
Передъ святыми и кротко сказалъ:

«Слушайте, братья, по пчелкѣ одной
Надо снести вамъ для Руси родной,

Скоро онѣ приумножатся тамъ
Богу во славу, на пользу людямъ.

Будьте отцы, покровители ихъ!»

Ангель сказалъ и на крыльяхъ своихъ

Снова поднялся отъ грѣшной земли
И утонулъ въ необъятной дали.

Тутъ Изосимъ и Савватій святой
Вмигъ уловили по пчелкѣ одной

И, покрестившись, отправились въ путь...
Только что солнышко вышло взглянуть

Съ неба на яркую зелень полей
Въ тепломя сїяньи весеннихъ лучей,

Съ травки роса не успѣла сойти,
Были они въ половинѣ пути.

Къ жаркому полдню изъ дальней земли
Въ славную русскую землю пришли.

Стали они божьихъ пчель выпускать,
И не могли ихъ въ ту пору узнать, —

Бѣлыя пчелки родной стороны
Стали предъ ними какъ уголь черны.

Старцы немало дивились на нихъ,
Но не смущались въ мысляхъ своихъ,

Господа Бога они прославляли,
Видя, какъ пчелки надъ полемъ летали,

Солнышку рады, поднялися вдругъ,
Съ тихимъ жужжаньемъ порхали вокругъ

И, опускаясь на каждый цвѣтокъ,
Стали собирать безустанно медокъ...

Такъ расплодился скоро они,
А Изосимъ и Савватій всѣ дни

Много трудились и много страдали,
Съ чистой молитвой за мiръ работали

И до кончины блаженной своей
Пчелокъ водили на пользу людей.

ХЛѢБЪ НАШЪ НАСУЩНЫЙ.

Растворю я квашонку на донышкѣ,
Я поставлю квашонку на столбикѣ,
Ты взойди, моя квашонка, съ краями ровна,
Съ краями ровна и совсѣмъ полна.
(Святочн. пѣсня).

Стоялъ ужъ августъ на дворѣ.
Поутру рано, на зарѣ,
Прогнавъ хозяйку по грибы,
Кузьма вернулся съ молодьбы
И сѣлъ на лавку у стола.

Въ избѣ царила полумгла;
Бродили мухи по стѣнѣ,
Да дѣти малыя одни

Еще валялись на полу
И крѣпко спали, да въ углу
Трещаль назойливо сверчокъ.
Вчера немного мужичокъ,
Продавши мѣрку овсеца,
Хлебнулъ зеленаго винца.
Теперь съ похмелья голова
Его трещала и едва
Она держалась на плечахъ.
Бѣднякъ въ кафтанѣ и лаптяхъ,
Не раздѣваясь, прилегъ
И, испустивъ тяжелый вздохъ,
Хотѣлъ забыться сладкимъ сномъ,
Но сердце жгло ему огнемъ,
Въ вискахъ былъ цѣлый ураганъ,
И вдругъ, — о ужась! — сквозь туманъ
Похмелья слышится ему
На печкѣ шопоть...

«Эхъ, въ дому
Неладно что-то!?! Видно, воръ
Забрался ночью чрезъ заборъ,
Иль врагъ проникъ въ дверную щель?»

И, позабывъ вчерашній хмель,
Къ чулану двинулся герой,
Чтобы вступить въ смертельный бой
Съ своимъ невидимымъ врагомъ.
И, очутившись предъ шесткомъ,
Онъ взялъ ухватъ, но наступилъ
На кочергу и, что есть силъ,
Ударилъ ею самъ себѣ
Въ больной свой лобъ...

Межъ тѣмъ въ избѣ,
Какъ прежде, кто-то все шепталъ

Кузьма ухватомъ замахать
На невидимаго врага,
Но показалась дорога
Герою жизнь, и онъ, какъ могъ,
Скорѣй родительскій порогъ
Перешагнулъ да второпяхъ

(А все тому виною врагъ)
Оборы длинныя лаптей
Вдругъ прищемилъ между дверей
И палъ, какъ громомъ пораженъ...
Такъ изъ Москвы Наполеонъ
Съ великой арміей своею
Бѣжалъ разбитый впухъ и впрахъ,
Чтобы зарыть ее въ снѣгахъ
Земли Россійской...

Ужъ въ окно

Глядѣло солнышко давно
И отражалось на полу;
Сверчокъ попрежнему въ углу
Трепсаль назойливо, и мухъ
Гудѣло полчище вокругъ,
Располагалось по стѣнамъ
И билось въ стекла темныхъ рамъ.
Проснулись дѣти, и пришла
Давно хозяйка, — принесла
Изъ лѣсу ягодъ и грибовъ...
Хозяинъ грустенъ и суровъ
Чесаль въ затылкѣ и вздыхаль,
Героя больше не пугаль
Невиннымъ шопотомъ своимъ
Сокрытый врагъ.

Хозяйка съ нимъ,

Чтобы раздѣлаться, взяла
Его подъ мышки и сняла
Безъ слова голову долой.
Но, недовольная такой
Своею жестокостью, она,
Какъ богатырская жена,
На жертву кинулася вновь
Смѣшала плоть его и кровь
И натопивши жарко печь,

Всего задумала испечь,
А через два иль три часа.
Свершила просто чудеса!..
Врагъ очутился за столомъ,
Его изрѣзали ножомъ,
И всякій кушалъ, да хвалилъ
Творца за даръ, что надѣлилъ,
Великій въ милостяхъ Своихъ,
Равно и добрыхъ Онъ, и злыхъ...

И мы неробкою душой
Ему помолимся, чтобъ зной
И градъ губительный отъ насъ
Онъ отвратилъ весной и спасъ
Хлѣбъ нашъ насущный, также всякъ
На пользу созданный намъ злакъ,
Съ простой былинки до цвѣтовъ,
И бремя горя и трудовъ
Забудетъ пахарь и снесетъ
Спокойно ихъ тяжелый гнетъ.

ОТДЫХЪ КРЕСТЬЯНИНА.

(Памяти дѣдушки Степана Степановича).

Послѣдній лучъ зари надъ лѣсомъ потухаль,
Ложились тѣни надъ полями,
Холодный вѣтеръ бушеваль
На Волгѣ съ темными волнами,
Покрылись небеса густыми облаками.
Крестьяне изъ полей на гумна довозили
Рожь спѣлую тяжелыми снопами,
Избушки сѣрыя лучиной освѣтили
И о своей нуждѣ на время позабыли.

Вотъ дѣдушка Степанъ изъ поля воротился,
Какъ лунь сѣдой, тщедушный старичокъ,
Вошелъ онъ тихо въ дверь и Богу помолился,
Отъ усталы не чую ногъ,

Присѣлъ на лавку въ уголокъ.
Лучина на свѣтцѣ привѣтливо трещала,
За печкой голосилъ безъ-умолку сверчокъ,
Старушка ужинать собирала
И чашку щей горячихъ подавала.

А послѣ ужина опять усѣлся дѣдъ,
И, окруживъ себя довольною семьею,
Онъ сталъ рассказывать о дняхъ минувшихъ
лѣтъ
Съ тяжелой жизнью трудовой.
«Я помню (говорилъ онъ) годъ, прожитый
мною—

Не дай Богъ никому его переживать! —
Когда не разъ холодною зимою
Пришлось мнѣ по міру собирать,
Чтобъ только плачь дѣтей голодныхъ не
слыхать.

За испытаніе благодарилъ я Бога
И на свою судьбу напрасно не ропталъ,
Хоть горькая нужда стояла у порога,
И я изъ малыхъ всѣхъ тогда послѣднимъ
сталъ.

Но предъ лампадою молитвы возсылалъ
Небесному Творцу и искренно смирялся
Предъ каждымъ тѣмъ, кому Онъ больше далъ,
Кто никогда съ семьею не нуждался
И всѣми благами земными наслаждался».

Дѣдъ продолжалъ рассказъ, родные вспоминали
Подробности о тѣхъ тяжелыхъ дняхъ,

Когда они его голодные встрѣчали
Въ избѣ и ѣли хлѣбъ, съ слезами на
глазахъ

Кусками собранный въ сосѣднихъ деревняхъ.
Затѣмъ, какъ все въ дому опять
приумножалось,

Какъ на засѣянныхъ поляхъ
Густая рожь въ колосья наливалась
И съ Божьей помощью въ закромы вся
ссыпалась.

Далеко за полночь въ семьѣ велась бесѣда
При свѣтѣ трепетномъ дымящейся
лучины;
Внучата рѣзвые толпились возлѣ дѣда,
Взирая на его почтенныя сѣдины,
Все время слушали старинныя былины
Иль сказки чудныя, пока не засыпали,
Рисуя въ сладкомъ снѣ отрадныя картины...
Такъ въ урожайный годъ кростьяне
отдыхали
Осеннею порой безъ горя и печали.

БЫЛИНА

**о
крещеніи Руси.**

(888—1888).

Отчего вокруг
На святой Руси
Колокольный звонъ
Разливается
И крещеный людъ
Изо всѣхъ сторонъ
Въ храмы Божіи
Собирается?!

Много съ той поры

Утекло воды,
Много дивныхъ дѣлъ
Совершилося,
Когда колоколь
Въ первый разъ гудѣлъ,
Когда въ первый разъ
Русь крестилася...

Гой широкій Днѣпръ,
Унеси пѣвца
Въ стольный Кіевъ градъ
По своимъ волнамъ!
Пойся, пѣснь моя,
Подъ гуслирный ладъ,
Ты греми по всѣмъ
Золотымъ струнамъ!..

У Владимира
Князя, въ Кіевѣ,
Былъ великій пиръ,
Столованіе,
Среди княжескихъ
Парчевыхъ порфиръ
Люди разнаго
Были званія;

Тутъ сидѣлъ Илья
И Микулушка,
Богатырь-мужикъ,
Селяниновичъ,
Хотенъ Блудовичъ,
Михаилъ Потыкъ,
Добрый молодець
Ставръ Гудиновичъ.

Всѣ промежъ собой
Разговоръ вели,
Съ медомъ турій рогъ
Обходилъ кругомъ,
Изъ ковшей рѣзныхъ
Пиль, кто сколько могъ,

Пива хмельнаго
Съ дорогимъ виномъ.

Только князь одинъ
Не мочиль усовъ
И вокругъ стола
Лишь похаживаль.
А гусярь давно
Про его дѣла
По-былинному
Гусли слаживаль, —

Заиграль, запѣль,
Какъ разсыпался,
Подхватилъ народъ
Песню славную,
И до сей поры
Онъ ее поеть,
Оглашая Русь
Православную;

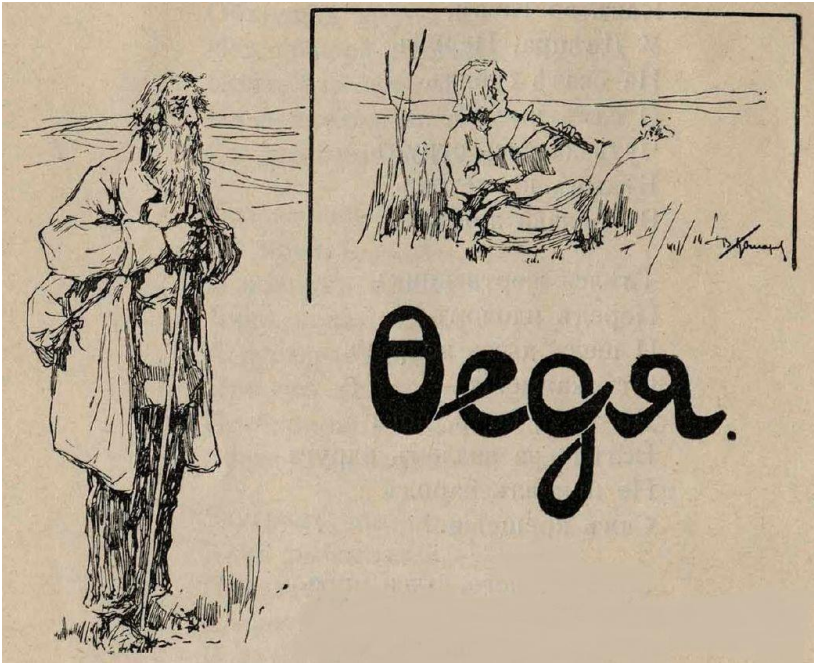
Есть ли гдѣ-нибудь
Уголокъ такой,
Гдѣ бы — гдѣ она
Не сказалася,
Изъ какой души
Какъ съ морского дна,
Скатнымъ жемчугомъ
Не поднялася?!

Пѣль гусярь про то,
Какъ во Кіевѣ,
У Днѣпра, Перунъ
На скалѣ стояль
И самъ мыслію,

Чуть касаясь струнъ,
Бѣлымъ кречетомъ
Въ облака леталь.

Тлѣлся жертвенникъ
Передъ идоломъ,
И шелъ дымъ вокругъ
Отъ каждаго, —
До тѣхъ поръ, пока
Вслѣдъ за княземъ вдругъ
Не принялъ народъ
Самъ крещенія.

Вотъ съ чего былъ пиръ
У Владимира,
А сегодня звонъ
Разливается,
И крещеный людъ
Изо всѣхъ сторонъ,
Въ храмы Божіи
Собирается.

ДЕДЯ.

I.

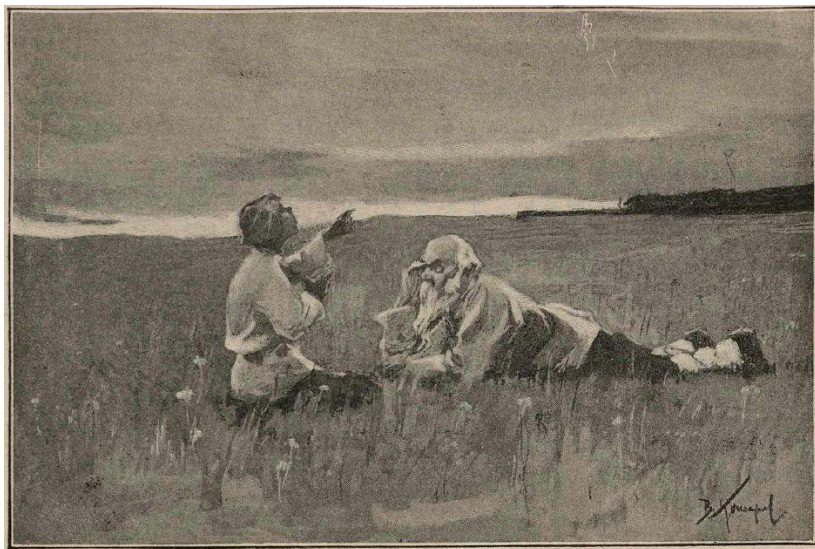
Жиль въ приволжской деревушкѣ
На закатѣ дней
Бобылемъ въ своей избушкѣ
Дядя Пантелей;
Весь сѣдой, лицо въ морщинахъ,
Утомленный взглядъ,
Въ рубашонкѣ изъ холстины
Съ множествомъ заплатъ;
Въ сѣромъ рваномъ кафтанишкѣ
На худыхъ плечахъ,

То босой, а то въ лаптишкахъ
Съ прошвой на ногахъ.
Онъ немало поскитался,
Исходилъ дорогъ,
Жилъ какъ нищій и питался
Отъ крестьянскихъ крохъ;
А когда жену онъ, Надю,
Бѣдный схоронилъ,
То во Кіевѣ былъ градъ,
Въ Соловецкомъ жилъ;
Ставилъ свѣчи и молился
У святыхъ мощей.
Такъ для Бога потрудился
Дядя Пантелей.
Онъ еще надежду-сына
Первенца растилъ,
Съ нимъ и радость и кручину
Поровну дѣлилъ.
Одея въ батьковской избенкѣ
Выросъ дикаремъ,
Но зато Господь ребенка
Наградилъ умомъ,
Богатырской крѣпкой силой;
Часто оттого
Много думъ горячихъ было
Въ головѣ его,
Что порою не давали
Мальчику заснуть
И бесплодно волновали
Молодую грудь.
Онъ любилъ на полѣ чистомъ
Лѣтомъ погулять
И свирѣлью голосистой
Воздухъ оглашать;
Иль слѣдить за облаками,

Какъ они порой
Быстро ходятъ надъ полями
Въ краскѣ золотой,
Какъ куда-то улетаютъ
За дремучій лѣсъ,
Иль, какъ ледъ весенній, таютъ
Въ глубинѣ небесъ.

II.

Разъ онъ въ полѣ одиноко
На травѣ сидѣлъ,
А надъ нимъ вдали глубокой
Жаворонокъ пѣлъ.
Вдругъ отецъ къ нему подкрался,
«Эка благодать
Нынѣ лѣтомъ!» собирался,
Кажется, сказать.
Но лишь только оглянулся
Весело вокругъ
И съ нимъ рядомъ растянулся
На цвѣтущій лугъ.
— Славно, тятка! Эка воля,
Этакій просторъ!! —
Началь Ѳедя среди поля
Съ тяткой разговоръ.
— Посмотри, надъ нами вьется
Жаворонокъ вотъ,
Мимо облачко несется
И не отдохнетъ!
Далеко оно умчится! —
Мальчикъ продолжалъ. —
— Какъ бы, тятка, я учиться
Грамотѣ желалъ?!

Все бы вѣдалъ: что откуда,
 Какъ произошло;
Отчего живется худо,
 Въ чемъ добро и зло.
Отчего, примѣрно, лѣтомъ
 Солнышко печетъ,
А зимой холоднымъ свѣтомъ
 Землю обдаетъ?
Научусь, и прочитаю
 Много разныхъ книгъ,
И всѣ тайны я узнаю
 Мудрости изъ нихъ?»
Рѣчь хорошая запала
 Въ душу старику,
И онъ молвилъ: «Что жъ, пожалуй,
 Отведу къ дьячку!
Благо, есть твое желанье —
 Грамоту поймешь,
За науку — мнѣ писанье

Божіе прочтешь.
Выйдешь въ люди, и лошадку,
Дастъ Богъ, заведемъ
И построимъ себѣ хатку
Новую съ дворомъ.
И не то, что, какъ бродящій,
Безземельный я,
Ты крестьянинъ настоящій
Будешь у меня.
Вспашешь землю бороздами
Матушкой сохой
И засѣешь сѣменами...
Лѣтнею порой
Дождаться урожая
Будешь за труды,
Заживемъ тогда, не зная
Бѣдности-нужды!..»
Одея слушалъ со вниманьемъ
Рѣчи старика,
Весь обвѣянный дыханьемъ
Теплымъ вѣтерка...
Солнце ниже опускалось
За дремучій лѣсъ,
И, какъ ризой, одѣвалась
Глубина небесъ.
А кругомъ ихъ зеленѣло
Поле все травой,
Громко пѣло и звенѣло
Музыкой живой.

III.

Быстро лѣто миновало,
Осень подошла.
На поляхъ вездѣ увяла

Травка безъ тепла.
Буйный вѣтеръ завываетъ,
Плачетъ, какъ шальной,
И листочки обрываетъ
Съ вѣточки родной.
Дождевыя заходили
Тучи облаковъ,
Отъ ненастья потемнѣли
Избы мужиковъ.
Только красная рябина
Рдѣетъ подъ окномъ,
И несетъ отъ крышъ овина
Рожью и дымкомъ.

IV.

Все еще покрыто мглою,
Міръ крестьянскій спитъ,
Вѣтеръ желтою листвою
Тихо шелеститъ.
Въ сельской комнатѣ мерцаетъ
Свѣтлый огонекъ,
Ребятишекъ обучаетъ
Грамотѣ дьячокъ,
И съ головокъ неразумныхъ
Не спускаетъ глазъ,
Посреди ихъ криковъ шумныхъ
Слышно: «буки-азъ».
Всѣ хотятъ другъ передъ другомъ
Заучить слова,
У дьячка Василья кругомъ
Ходитъ голова
(Снисходительно къ ребятамъ
Относился онъ).
Вотъ къ нему и былъ тогда-то

Өедя приведенъ.
Здѣсь изъ грамоты мудреной
 Мальчуганъ узналъ,
Какъ Христосъ за мiръ крещеный
 На крестѣ страдалъ;
Какъ, въ страданьяхъ умирая,
 Въ третiй день воскресъ,
И открылъ всѣмъ двери рая
 Съ благостью небесъ;
Далъ завѣтъ, чтобъ люди жили,
 Душу не губя,
Въ мiръ ближняго любили
 Больше, чѣмъ себя.

V.

Пантелей съ тѣхъ поръ довольный
 Первенцомъ сынкомъ,
Не такимъ уже бездольнымъ
 Смотритъ бѣднякомъ:
Есть теперь другая хатка,
 Огородъ большой,
На дворѣ его лошадка,
 Борона съ сохой.
Въ полѣ собственной землицы
 Завелся клочекъ,
И хранятся у божницы
 Деньги на оброкъ.
Өедя бѣдности не знаетъ,
 Съ силой и умомъ
Онъ богатство собираетъ
 Яровымъ зерномъ.

ПРИВАЛЪ НА ВОЛГЪ.

(И. Е Рѣпину).

I.

Бывало, берегомъ рѣки
Тянули барку бурлаки
И проливали тяжкій потъ:
Теперь могучій пароходъ
Ихъ много тащитъ за собой,
Играя пѣнистой волной
И рассыпая колесомъ
Струи, какъ жемчугъ съ серебромъ.

Я вышелъ на берегъ крутой
И сѣлъ на глыбѣ земляной,
У ногъ моихъ плескался валъ,
Струилась весело рѣка,
Челнокъ убогій рыбака,

Какъ чайка легкая, нырять.
Рыбакъ, обрызганный волной,
Поднявши сътъ одной рукой,
Другой выбрасывалъ изъ ней
Налимовъ, щукъ и окуней,
Ельцовъ съ плотвою и другихъ
Не мало рыбокъ золотыхъ.

Но вотъ вдали сокрылся челнъ,
Сталъ тише плескъ могучихъ волнъ
О грудь размытыхъ береговъ.
Я вспомнилъ рядъ прожитыхъ дней
Суровой юности моей,
И плакать, плакать былъ готовъ:
На этомъ мѣстѣ умиралъ
Бурлакъ, котораго я зналъ,
Который друженъ былъ со мной,
Какъ братъ отъ матери родной.
Не разъ, бывало встрѣтись съ нимъ
На Волгѣ, голодомъ томимъ,
Я бралъ изъ рукъ его кусокъ
Насущный хлѣба, на песокъ
Садился, съ жадностью съѣдалъ,
Какъ всѣ, кто голодь испыталъ,
И вновь по берегу бродилъ,
Красивыхъ раковинъ искалъ
Или за баркою слѣдилъ,
Когда она навстрѣчу водъ
Шла, еле двигаясь впередъ.

II.

Смотрить солнце съ небесъ, и блестить и горить,
По полямъ и лугамъ разливается,
Не шелохнется лѣсъ, только пѣсня звенить,
Гулкимъ эхомъ вдали откликается,

— Нѣтъ, братцы, я не доплыву
Теперь до Твери, видно, мнѣ
Не на родимой стороне
Придется голову сложить.
Къ привалу только бы доплыть
И тамъ остаться навсегда, —
Эхъ ты, проклятая нужда!
Терпѣль, терпѣль, а что терпѣть!
Кажись бы, впору умереть
И расквитаться бы съ тобой!.. —
Чуть слышно вымолвилъ больной;
Другой лишь только покачалъ
Своей курчавой головой,
И хриплымъ голосомъ сказалъ:
«И у меня изныла грудь,
Хоть бы скорѣе на привалъ
Приплыть, немного отдохнуть,
Того гляди, что упадешь
И до привала не дойдешь...
— Ишь, какая бѣда! — усмѣхнулся въ отвѣтъ
Молодой и здоровый дѣтина, —
Отъ работы у васъ силы-моченьки нѣтъ,
У меня вотъ на сердцѣ кручина,
Да и то ужъ молчу; видно, злая судьба
Вмѣстѣ съ нами на свѣтъ-то родится.
Разскажу про себя; надоѣла гульба
И задумалъ я, братцы, жениться, —
А деньжонокъ-то нѣтъ за душой ни гроша,
Нечѣмъ свадьбу-то праздновать было.
Поневолѣ тогда разболѣлась душа,
И горячее сердце заныло...
Долго думалъ-гадалъ чѣмъ поправить бѣду,
Гдѣ казной золотой раздобыться?
И надумалъ вдругъ я: въ бурлаки, молъ, пойду,
Набурлачу, и можно жениться.

И пошелъ, пока грудь молодая крѣпка
Да подъ силу любая работа.
Эхъ, кормилица, матушка Волга рѣка,
Выручай ты меня изъ заботы!
Эту барку скорѣй помоги дотянуть,
А деньжонки ужо заведутся,
Такъ свободно вздохнетъ молодецкая грудь
И могу я въ деревню вернуться,
Да жениться на ней, — встосковалась она
И по мнѣ, чай, какъ я, отъ разлуки...
Что за золото, братцы, хозяйка жена,
И рабочія крѣпкія руки!
По росистой травѣ, только косы звенять,
Что ни взмахъ, то полоска готова,
Если тутъ же встрѣчаешь привѣтливый взглядъ
Иль разумное женское слово...
— На приваль! на при-ва-аль! — громко
лоцманъ вскричалъ,
Ловко къ берегу руль направляя...
— Вотъ тебѣ и приваль! — тутъ рассказчикъ
сказалъ,
Мощной грудью впередъ налегая,
И запѣлъ, что есть мочи, онъ пѣсню одну,
Ту, что дѣды бурлаки сложили,
На святой на Руси ее пѣть въ старину
Всѣхъ дѣтей и внучатъ научили:
«Еще разъ, братцы, вразъ поналяжемъ, впередъ
Свою барку вдоль Волги подвинемъ!..
Ой, дубинушка сама у насъ пойдетъ, —
Ой, зеленую подернемъ, подернемъ!..
Ухъ!!»

IV.

Съ барки лоцманъ сошелъ, и на берегъ крутой
Вмѣстѣ съ нимъ бурлаки поднялися,
Развели огонекъ, возлѣ ржи золотой,
Скинувъ лапти, они улеглися.
Было всѣмъ хорошо на травѣ отдохнуть,
О сторонущкѣ вспомнить родимой,
Въ разговорѣ живомъ наслаждаясь, тянуть
Дымъ изъ трубки съ махоркой любимой.
Скоро каша и щи передъ ними ключомъ
Надъ костромъ въ чугунахъ закипали,
Пообѣдали всѣ, осѣнились крестомъ
И до утра они засыпали.
Но одинъ лишь изъ нихъ въ эту пору не спалъ
И пластомъ на землѣ раскидался,
То въ безумномъ бреду, горемычный, стоналъ,
То дрожалъ, то огнемъ разгорался.

Только солнце съ небесъ заходящимъ лучомъ
Проглянуло надъ тихой рѣкою, —
Онъ поднялся съ земли, оглянулся кругомъ,
И отдался навѣки покою.
Пѣла птичка надъ нимъ, гдѣ-то крикнулъ
пѣтухъ,
Комары съ громкимъ пискомъ летали,
За рѣкою игралъ на свирѣли пастухъ,
И травинки о чемъ-то шептали;
Василекъ голубой, улыбаясь, глядѣлъ,
Сквозь колосья, зерномъ налитые;
Занималась заря, — яркій пламень одѣлъ
И обнялъ облака золотыя.

V.

Чудный вечеръ насталь, свѣтъ зари потухаль,
Алой краской въ рѣкѣ отражался,
На крутой на привалѣ валъ за валомъ бѣжалъ
И алмазами весь разсыпался.
Каркнулъ воронъ вдали, а въ кустахъ соловей
Выводилъ безконечныя трели,
И плакучія ивы кудрями вѣтвей
Наклонились и тихо шумѣли...

Въ кострѣ пылаетъ огонекъ.
Проснулся лоцманъ, уголекъ
Досталь и трубку закурилъ;
Всѣхъ по порядку разбудилъ
Онъ бурлаковъ, потомъ взглянулъ
На мертвеца, — его тряхнулъ,
И вдругъ въ испугѣ отступилъ,
Перекрестился и вздохнулъ.
Къ нему отъ берега рѣки
Сошлись скоро бурлаки,
Судить всѣ стали и рядить,

Какъ съ мертвецомъ теперь имъ быть?
И порѣшили схоронить
Его скорѣй, чтобъ не попастьъ
Въ глаза начальству.

— Эхъ напасть!

Ну, какъ наѣдетъ становой?! —
Сказалъ, поникнувъ головой,
Чуть слышно лоцманъ.

Принесли

Тогда лопаты и земли
Нарыли груды. Въ тотъ же мигъ
Передъ покойникомъ прочли
Они какой-то грустный стихъ
И опустили на рукахъ
Въ сырую землю грѣшный прахъ.

Покрестились бурлаки, съ горячей слезой
На могильную насыпь взглянули...
И опять вдоль по Волгѣ пошли, бечевою
Дружно барку впередъ потянули.

VI.

Шумить попрежнему рѣка.
Пройдутъ года, пройдутъ вѣка,
Едва ль измѣнится она.
Все такъ же будетъ глубока,
Весною въ водополь сильна;
Все тѣ жъ останутся пески,
Гдѣ проходили бурлаки;
Хоть не останется изъ нихъ
Тогда никто уже въ живыхъ...
Иной пѣвецъ сюда придетъ,
Другія пѣсни запоетъ,
И я на кладбищѣ родномъ
Навѣкъ усну глубокимъ сномъ,

Какъ нашъ бурлакъ, что былъ убитъ
Нуждой тяжелой и зарытъ
Своей бурлацкою семьей.
Его могила ужъ травой
Вся заросла, но какъ живой
Еще, казалось, онъ лежитъ
У разведеннаго огня
И съ грустью смотритъ на меня.

VII.

Кипитъ предъ нами котелокъ,
И вьется струйкою дымокъ;
Вдали распахана земля,
Отъ вѣтра зыблются поля
Высокой рожью, и рѣка
Шумитъ въ печальныхъ берегахъ,
Туманъ ложится на поляхъ,
По небу ходятъ облака...
Изъ бирюзы и янтаря,
Вся опрокинувшись въ волнахъ,
Горитъ вечерняя заря
Бурлакъ рассказывалъ мнѣ самъ
Про жизнь печальную свою,
Я здѣсь объ ней передаю
По старой памяти:

«Къ полямъ

Роднымъ привыкъ я съ дѣтскихъ лѣтъ.
(Онъ говорилъ.) Мой старый дѣдъ
Любилъ меня и баловалъ,
Я росъ безъ матери родной,
Отецъ въ столицѣ проживалъ,
Затѣмъ убитъ былъ на войнѣ.
Когда исполнилось мнѣ
Семь лѣтъ, въ подпаски я попалъ.

Скончался дѣдъ, тогда узналъ
Нужду всеобщую сиротъ...
Такъ проходилъ за годомъ годъ.
Какъ сынъ деревни и полей,
Я пасъ овецъ и лошадей
Да тѣшилъ маленькихъ дѣтей
Игрой веселою въ рожокъ.
Со мною жилъ тогда «Дружокъ».
Собачка вѣрная моя,
Съ которой вмѣстѣ часто я
Дѣлилъ послѣдній свой кусокъ...
Потомъ попалъ я на заводъ,
Тяжелымъ молотомъ тамъ билъ,
Гдѣ какъ-то нѣмца оскорбилъ
Словами дерзкими... И годъ
Скитался въ городѣ большомъ
Не разъ безъ крова...

А потомъ,

Не помню, что-то я укралъ:
Хотелось мнѣ попастьъ въ тюрьму;
Вдругъ, неизвѣстно почему,
Судья воришку оправдалъ...
И воротился я опять
Къ себѣ въ деревню...

Ни пахать

И ни косить я не умѣлъ,
Тогда охоту возымѣлъ
Итти на Волгу въ бурлаки...
И вотъ по берегу рѣки
Съ тѣхъ поръ хожу я много лѣтъ,
И жду конца житейскихъ бѣдъ».

Онъ этимъ кончилъ и затихъ;
А вечеръ былъ все такъ же тихъ,
И не колыхнется волна...
Вотъ какъ сказала старина

Давнымъ-давно прошедшихъ дней
Печальной юности моей.

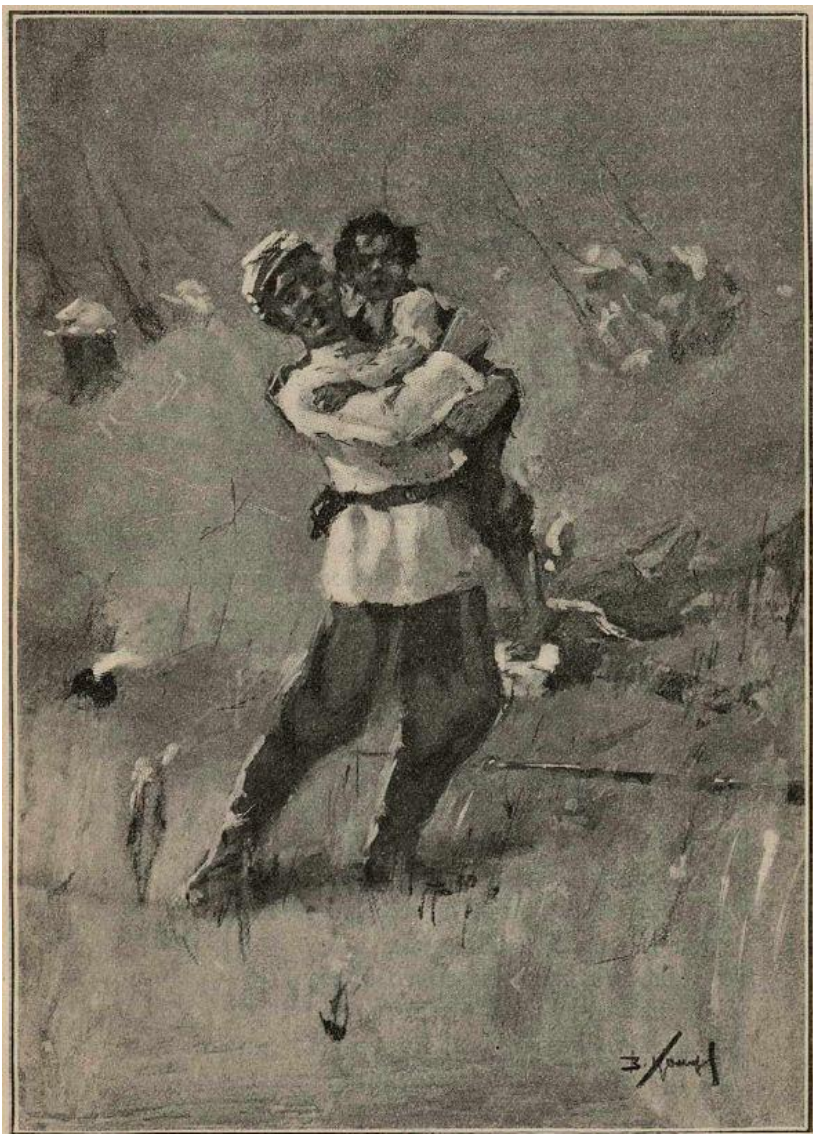

СЫНЪ ПОЛКА.

Въ весеннюю пору дорогой большой
Солдатыкъ поспѣшно шагаетъ,
Предъ нимъ, на пригоркѣ, въ оградѣ простой
Храмъ Божій крестами блистаетъ.
Онъ входитъ въ село; у воротъ мужичокъ
Стоитъ, ему кланяясь низко:
— Здорово, служивый! Небось, землячокъ,
Итти-то осталось не близко?
Небось, притомился? Присядь-ка со мной
Вотъ здѣсь, на заваленку, что ли?
Не то войди въ избу, отвѣдай, родной,
Ты нашего хлѣба и соли.
— За хлѣбъ-соль спасибо! дай лучше кваску
Попить иль водицы холодной, —
Промолвилъ солдатъ и присѣлъ къ уголку,

Снимая съ плечъ ранецъ походный.
Мужикъ принесъ квасу и всталъ въ сторонѣ,
Спросивши пытливо солдата:
— Скажи же, родимый, въ какой сторонѣ
Стояли за нашего брата?
— На турку ходили, — солдатъ отвѣчалъ.
— Такъ вотъ какъ!? и съ туркой сражался,
Немало, небось, ихъ и самъ пострѣлялъ?
Вотъ страху-то, чай, понабрался,
Когда надъ тобою то пуля, то вдругъ
Обдастъ тебя этакъ картечью?
Въ груди-то, небось, занимается духъ
За всякую жизнь человѣчью?
— Да, страшно бываетъ, но только впервой,
Потомъ ничего, — обойдется.
Лишь слышишь оружія звонъ и пальбой
Какъ воздухъ кругомъ обдается;
А стоны людскіе, увѣчныхъ въ крови
Не слышитъ солдатское ухо,
И въ сердцѣ въ ту пору нѣтъ мѣста любви,
Оно безучастно и глухо.
На то и солдатъ, чтобъ себя не щадить
И въ руки живымъ не отдаться:
Прикажетъ начальство, примѣрно, палить,
Пали, и нельзя отказаться.
Не то тебя, братецъ, сейчасъ самого
На мѣстѣ приколятъ штыками.
Такъ лучше врага хоть убить одного
Иль лечь пораженнымъ врагами.
Зато и награда бываетъ тебѣ,
Когда ты отчаянно бьешься,
И, если угодно счастливой судьбѣ,
Въ деревню съ медалью вернешься.
Я помню, когда мы Дунай перешли
И какъ приближались къ Плевнѣ,

То нашъ батальонъ отдохнуть привели
Къ богатой турецкой деревнѣ.
И только что стали мы, братецъ, входить,
Какъ взвизгнули пули надъ нами,
Зато и пришлось намъ ее запалить,
А жителей встрѣтить штыками.
Одинъ мой землякъ въ эту пору упалъ,
Свинцовою пулей пробитый,
А рядомъ съ нимъ турокъ надъ сыномъ стоналъ,
Горячею кровью облитый,
Да малыя дѣти своихъ матерей
Средь груды развалинъ искали.
Признаться, мы этихъ забытыхъ дѣтей
Не мало въ ту пору забрали.
И былъ у насъ, братецъ ты мой, енераль,
Всѣ знали его, какъ «ероя»,
Онъ часто, бывало, малютокъ спасалъ
Средь самага жаркаго боя...
Однажды мы брали какой-то редуть,
Вдругъ мальчикъ межъ нами явился,
И нашъ енераль въ эту пору, какъ тутъ,
На бѣломъ конѣ очутился;
Велѣлъ онъ малютку тогда же мнѣ взять
И вынести изъ поля сраженья...
Ребенокъ лопочеть, да только понять
Его я не могъ выраженья,
То жалобно будто кого-то зоветъ
И черной головкой мотаетъ,
То такъ-то ли горько, пострѣлъ, зареветъ,
Что просто за душу хватаетъ.
И что же вѣдь, братецъ мой, послѣ привыкъ
Къ полку и къ его офицерамъ,
И, словно природный, нашъ русскій языкъ
Онъ понялъ отличнымъ манеромъ.
Разсказывать сталъ о деревнѣ своей,

И какъ его мать потеряла,
Когда она, въ страхѣ отъ русскихъ людей,
Съ нимъ вмѣстѣ куда-то бѣжала,

Какъ долго турчонокъ былъ жизни не радъ,
Когда одинокій скитался,
Пока не наткнулся на русскій отрядъ
И «сыномъ полка» не остался...
Окончилась съ туркой война, енераль
Взялъ въ Питерь съ собой и турчонка,
И тамъ, слышь, его, говорятъ, воспиталь
Замѣсто родного барчонка.
Однако же полно мнѣ лясы точить,
Не время ль и въ путь отправляться?
На срокъ отпустили, такъ надо спѣшить
Скорѣе съ семьей повидаться.
Чай, ждетъ не дождется родимая мать,
Отецъ и жена молодая...»
И снова пошелъ нашъ служивый шагать
Въ сторонку знакомаго края.

ДѢТИ ЧУМАКА.

(Изъ А. Мицкевича, по Малороссійскому переводу Ломуса).

Молодая мать сидитъ
 Подъ окномъ, вздыхаетъ,
И съ тревогой дѣтей
 На степь посылаетъ;
Ой, бѣгите вы скорѣй,
 Дѣточки, бѣгите,
Встаньте рядомъ на курганъ,
 Тятю поглядите!
Всѣ вернулись домой
 Чумаки съ волами,
А его все невидать.
 Горюшко мнѣ съ вами!!

Лѣто красное прошло,
Осень наступила,
И дороги на степи
Дождикомъ размыло.
Ну, какъ, Боже сохрани,
Тятя не вернется,
Вдругъ разбойникамъ лихимъ
Въ руки попадется,
Попадется и умретъ;
Сиротами, дѣти,
Мы останемся тогда
Горькими на свѣтѣ.
Помолитесь за него
Господу съ слезами,
Чтобъ вернулся онъ скорѣй
Съ черными волами...
И малютки со всѣхъ ногъ
На степь побѣжали,
Поднялися на курганъ,
На колѣни встали.
Самый старшій на траву
Головой склонился
И съ горячею слезой
Господу молился:
«Молимъ тебя, Боже нашъ,
Милостью богатый,
Возврати, Ты, намъ отца
До родимой хаты.
Чтобы съ мамою его
Мы не долго ждали,
Чтобъ гостинцы у него
Наши не отняли.
Сохрани его для насъ,
Господи, помилуй!

Защити отъ злыхъ людей
 Ангельскою силой!!»
Тихо дѣтская молитва
 Къ Господу несется.
А по степи издалека
 Голосъ раздается:
«Гей, гей, волы крутороги,
 Что вы отстаєте!
Не сбивайтесь съ дороги,

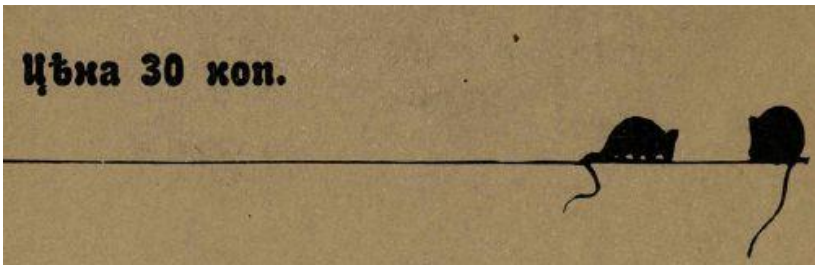
Скоро отдохнете!!»
— Тятя, тятя!! — закричали
Весело ребятки,
И навстрѣчу побѣжали
Степью безъ оглядки...
Кто словами перескажетъ,
Сердцемъ отзовется,
Какъ отецъ лаская дѣтокъ
Плачетъ и смѣется,
Какъ кудрявыя головки
Гладитъ онъ съ любовью,
И самъ шепчетъ: «Ну, что мамка?
Какъ ея здоровье?
Небось, тятюку вмѣстѣ съ вами
Часто вспоминала??»
Но не слушаютъ ребятки,
Сѣли, гдѣ попало,
Рядомъ съ тятей, словно бѣлки
Въ вожжи уцѣпились,
И кричали: «гей, гей, волю,
Что вы залѣнились!
Мы не даромъ же васъ ждали,
Господа просили,
Чтобъ гостинцы не отняли,
Тятю не убили».
А чумакъ, на дѣтокъ глядя,
Только улыбался...
«Пощадите!!» крикъ батрацкій
Вдругъ за нимъ раздался.
Оглянулся, — горе, горе!
Возы обступили
Злые люди, смертью лютой
Чумаку грозили;
Подошелъ къ нему высокій,
Удалой дѣтина, —

Ножъ за поясомъ ременнымъ,
А въ рукахъ дубина,
— Подавай сюда кораллы,
Сукна и китайку,
Серебро и всѣ червонцы,
Что везешь хозяйкѣ!!»
Крикнулъ онъ, и вся ватага
Вдругъ стѣною встала
И широкими ножами
Грозно замахала!
— Сжальтесь, сжальтесь, Божьи люди!
Душу не губите,
А какое есть богатство,
Все себѣ берите!
Все берите, только дѣтокъ
Въ свѣтѣ сиротами
Не оставьте, — чумака молить
Съ горькими слезами.
«Дѣти, дѣти!» — одно слово
Это много значитъ,
Кто же, на отца родного
Глядя, не заплачетъ,
— Стойте, стойте! не ищите
Здѣсь казны богатой!!
Подойдя къ нимъ, громко крикнулъ
Атаманъ усатый.
— Отпустите, пускай ѣдетъ,
Ничего не трогай!
Безъ него добыча будетъ,
Маршъ своей дорогой!!!
И разбойники послушно
Скрылись за курганы,
Радъ чумака и поклонился
Въ ноги атаману.
— О, не кланяйся, я видѣлъ.

Нынче какъ молились
Твои дѣти, какъ слезою
Глазки ихъ свѣтились;
Прежде, грѣшный, я надъ ними
Только посмѣялся,
А потомъ и самъ невольно
Какъ-то разрыдался.
Мнѣ припомнились въ ту пору
Вдругъ жена и дѣти,
Кто ихъ бѣдныхъ, приголубить
Безъ меня на свѣтѣ.
Обо мнѣ они, навѣрно,
Также вспоминають
И горячія молитвы
Къ Богу возсылають.
Только я ихъ не увижу,
Сгину, гдѣ попало,
Видно, доля при рожденьѣ
Мнѣ такая пала...
Трогай, трогай, и до хаты
Счастливы вернитесь,
Да о грѣшномъ атаманѣ
Богу помолитесь.

Оглавленіе.

СКАЗКА-БЫЛЬ.....	4
ДЕРЕВЕНСКІЯ МЫШИ.....	8
ОТРОКЪ.....	11
ПЧЕЛЫ.	26
ХЛѢБЪ НАШЪ НАСУЩНЫЙ.....	32
ОТДЫХЪ КРЕСТЬЯНИНА.....	37
БЫЛИНА о крѣщеніи Руси.	40
ӨЕДЯ.	45
ПРИВАЛЪ НА ВОЛГЪ.....	52
СЫНЪ ПОЛКА.	63
ДЪТИ ЧУМАКА.	68

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Издание данной книги осуществляется при поддержке Благотворительного фонда восстановления церкви Святой Живоначальной Троицы с часовней в Язвищах (<https://xgam-v-yazvichax.ru>), занимающегося реставрацией храма, расположенного в селѣ Язвищи Боровенковского сельскаго поселения Окуловскаго района Новгородской области.

Данный топонимъ образованъ отъ слова «язвина», однимъ изъ значеній котораго въ старославянскомъ языкѣ является слово «нора». Недалеко отъ села протекаетъ рѣка Язовка, изрытая лисьими норами, давшая ему наименованіе.

Одно изъ первыхъ упоминаній о селѣ можно встрѣтить въ Переписной оброчной книгѣ Деревской пятины отъ 1495 года. Уже тогда тамъ проживали десятки человѣкъ.

Шли вѣка... Смѣнялись поколѣнія... Въ началѣ XX вѣка въ Язвищахъ проживали около 40 человѣкъ, что, можетъ быть, и немного, т. к. это была церковная земля, зато въ близлежащихъ деревняхъ – около 700 человѣкъ.

Жили люди, перестраивались и церкви, постоянно находившіяся въ селѣ. Такъ, въ 1891 году на мѣстѣ старой деревянной церкви былъ выстроенъ каменный храмъ Святой Живоначальной Троицы, возлѣ котораго расположилась богадѣльня, другія постройки. Рядомъ проживали и священнослужители.

Но прошло чуть менѣе трехъ десятилѣтій, и храмъ сталъ не нуженъ. Окончательно онъ закрылся въ 1937 году. Потихонечку исчезали люди. Война, лагеря, очень многіе разѣхались въ города... Умерло и село Язвищи, которое было снято съ регистраціи въ 1977 году. Вмѣстѣ съ нимъ

умерли еще десятки подобныхъ сель и деревень.

Сейчасъ въ близлежащихъ къ храму деревняхъ вмѣсто семисотъ человекъ, о чемъ сказано выше, проживаетъ около тридцати. Лишь лѣтомъ съѣзжаются дачники и мѣстность какъ-то оживаетъ.

Въ Язвицахъ остался только одинъ домъ, въ которомъ проживали священнослужители, да и тотъ давно непригоденъ для жилья.

А храмъ стоитъ – поруганный, оскверненный, но величественный – и ждетъ...

Почему такое произошло? Какъ вернуть въ тѣ прекрасныя мѣста людей, Жизнь? На эти вопросы есть много предположеній, но мы считаемъ, что сначала надо приступить къ реставраціи храма. И затѣмъ все вернется, т. к. въ тѣхъ мѣстахъ появится вѣра, безъ которой не можетъ жить ни теистъ, ни атеистъ.

Съ 2011 года мы начали реставрировать нашъ храмъ. За это время вынесли мусоръ, застелили временные полы, закрыли пленкой окна. Ввиду того что зданіе церкви является памятникомъ архитектуры, приступили къ разработкѣ научно-проектной документациі.

Если Вы имѣете возможность помочь намъ въ дѣлѣ возстановленія храма, то просимъ Васъ перечислить посильное пожертвованіе на реквизиты нашего фонда:

Расчетный счетъ получателя: 40703810655100000343 въ
Сѣверо-Западномъ банкѣ ПАО «Сбербанкъ Россіи»,
Санктъ-Петербургъ.

ИНН получателя: 7816290748.

Получатель: Фондъ возстановленія церкви Святой Троицы
въ Язвицахъ.

Счетъ Банка получателя: 30101810500000000653.

БИК Банка получателя: 044030653.

Назначеніе платежа: Благотворительное пожертвованіе.

Поддержать нас можно через мобильное приложение вашего банка воспользовавшись QR-кодом (достаточно указать Ф.И.О. и сумму пожертвования). В этом случае средства поступают на расчетный счет.

Съ вопросами вы можете обращаться по телефону (921) 33-99-801 (Олегъ Лавровъ) или на электронный адресъ lavrovoa@mail.ru.

Благодаримъ васъ за поддержку, друзья!

КНИГИ ВЪ ДОРЕФОРМЕННОЙ ОРФОГРАФИИ

Представляемъ вамъ книги классиковъ русской литературы, исполненныя въ авторской (дореформенной) орфографіи. Изданія являются хорошимъ подаркомъ для ценителей русского языка.

Приобрѣти книги вы можете перейдя по адресу:
<https://pravopisanie.xram-v-yazvichax.ru>, а также въ Интернетъ-магазинѣ OZON.

Доступны на

Человѣка, добродотно дающаго, любитъ Богъ, и недостатокъ дѣлъ его восполнить

[Книга Притчей Соломоновыхъ 22:8]

